

« У нас на глазах разваливалась страна, происходил титанический слом эпох, а тут люди сидят и занимаются феноменологией... »

БОРИС МЕЖУЕВ. Кандидат философских наук, политолог, специалист в области истории русской философии, преподаватель философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Автор многочисленных статей в журналах «Полис», Pro et Contra, «Со-общение», «Смысл», «Политический журнал», «Апология», электронных изданий «Русский архипелаг», «Русский журнал», «Агентство политических новостей». С октября 2013 года — заместитель главного редактора газеты «Известия». Автор более 200 научных работ, в том числе книг «Политическая критика Вадима Цымбурского» (М.: Европа, 2012) и «Перестройка-2. Опыт повторения» (М.: Весь Мир, 2014).

- *При каких обстоятельствах вы впервые услышали о «Логосе»?*

О том, что Валерий Анашвили, с которым я был знаком с первого курса, делает журнал, я услышал в 1987 году. Конечно, тот студенческий проект был еще очень далек от «Логоса», каким мы его знаем. Это был набор, по сути, студенческих работ. Я, например, писал о Паскале, которого тогда читал. Но это был еще не «Логос». Не было даже определенного названия. «Логос» появился, как сейчас помню, в октябре¹ 1991 года, в самый разгар тех событий, которые связаны с распадом СССР.

Ситуация тогда характеризовалась двумя особенностями. С одной стороны, мы переживали пик интереса к русской философии. Я сам историк русской философии, и, насколько понимаю, из четырех создателей «Логоса» трое в разное время учились со мной на кафедре истории русской философии — Алексей Козырев, Игорь Чубаров и Олег Никифоров. Мы с Козыревым ее и окончили, как и Чубаров. Никифоров, по-моему, перешел на кафедру истории западной философии. Да, взлет интереса к русской философии был мгновенным и потом долго, все 1990-е годы, продолжался, но уже по нисходящей, пока фактически не сошел на нет в нулевые.

1. На самом деле первый номер журнала вышел в марте 1991 года. — *Прим. ред.*

С другой стороны, конечно, передовая часть философской общности уже тянулась к чему-то зарубежному и современному. Этот интерес, который впоследствии только усиливался, оказал влияние на «Логос». Мы тогда существовали между этим, в принципе, очень консервативным стремлением к воскрешению прошлого, которое было важным фактором того времени, и естественной тягой ко всему новому, которая тоже была важным обстоятельством того же самого времени. Некой равнодействующей силой явился интерес к феноменологии.

На стыке этих двух социокультурных трендов проявилась та средняя линия, которая стала главной в «Логосе», в первых его выпусках. Идея была в ориентировании на феноменологию как на почтенную и в целом уже консервативную в рамках европейской философии традицию. Кроме того, мы ориентировались на ту традицию русской философии, которая в наибольшей степени, во-первых, соотносена с феноменологией, а во-вторых, согласована с современными западными течениями, — а именно на революционный российско-немецкий журнал «Логос», который, если не ошибаюсь, был потом переиздан тем же Валерием Анашвили. В общем, журнал встроился в это стремление быть, с одной стороны, современным, а с другой — традиционным. Отсюда сама по себе марка «Логоса», журнала, продолжающего русскую традицию, даже в какой-то степени русскую религиозно-философскую традицию, но все-таки проводящего подчеркнута западническую линию.

Впоследствии, мне кажется, этот синтез рухнул. Исчезло стремление и держаться корней, и стремиться ко всему современному. Тяга к современности оказалась абсолютно определяющей. Я не буду называть имена — некоторые пошли своей дорогой. А кто-то пытался нащупать связь между философией и какими-то другими смежными интеллектуальными дисциплинами — политологией, культурологией. Прежде всего, сам Анашвили в большей степени стал двигаться в маргинальную сторону. Маргинальную не в пренебрежительном смысле слова, здесь речь о тех сферах знания, которые находятся по краям философии, таких как теория моды, психоанализ. «Логос» состоялся как журнал, который обнаруживает грань между философией и какими-то смежными интеллектуальными дисциплинами. В этом смысле он очень удачен, во всяком случае это не копирование «Вопросов философии», а именно ориентация на тематические выпуски. И это, помимо других факторов, несомненно важное достижение журнала и залог его успеха.

- С чем, по вашему мнению, связан переход журнала к «философским маргиналиям»? И какова была интеллектуальная эволюция «Логоса» в целом?

Это интересная история. Прежде всего, эволюция журнала в целом связана, наверное, с эволюцией его создателей. История некоторых из них для меня даже теоретически проблема. Например, интересна мировоззренческая эволюция Игоря Чубарова, одного из зачинателей этого дела, но она для меня загадка. Это редкий случай, когда в наше прагматичное время эволюция какого-либо человека вообще представляет интерес. А в данном случае интеллектуальная эволюция Игоря, возможно, даже более интересна, чем его собственные теоретические работы, потому что это история человека нашего времени, человека очень консервативных взглядов, который перешел к очень левым, подчеркнуто постмодернистским взглядам. Я его хорошо знаю, потому что мы тесно общались на факультете первые три курса. Мы были вместе у истоков кружка «Летописец», который существовал в одно время с первым Валериним журналом, о котором я уже говорил. В общем, у Игоря, насколько я могу судить по его работам, была даже какая-то определенная внутренняя драма. Я-то, как человек, не склонный к «шараханиям», как раз всегда стремился идти более последовательно.

Если присмотреться, то и история «Логоса» прошла несколько таких этапов. В определенный момент я потерял представление об этом издании, потому что уезжал в Америку. Это было в 1998 году. Тогда я совершенно ушел в политологию, и область деятельности журнала, философия, стала от меня совсем далека. Я и не хотел туда возвращаться. Единственное, что меня в тот момент связывало с философией, — собрание сочинений Владимира Соловьева, в издании которого мы с Алексеем Козыревым до сих пор участвуем. А в 1999-м, когда вернулся, вдруг заметил, что журнал очень изменился. Во-первых, он стал тоньше. Где-то, по-моему, в это время в журнале произошло размежевание — Чубаров с Анашвили разошлись. Кроме того, журнал стал очень практическим, ориентированным на прикладные темы. В нем появились злободневные интервью. Это уже явно не был журнал чисто теоретической философии, к чему он тяготел все 1990-е годы. И главное — он стал журналом новой эпохи, боевым, задиристым. Помню интервью Александра Иванова, директора *Ad Marginem*, которое произвело на меня впечатление. В общем, журнал стал изданием, сильно ориентированным на практическую философию. Собственно теоретической философии там осталось немного.

А потом, года через четыре, сменив спонсоров, о которых не берусь судить, он приобрел тот вид, который имеет сейчас. Кстати, надо признать, внешне удивительно похорошел. Но самое главное — ушла эдакая теоретическая отстраненность: мы занимаемся феноменологией, и нам на все ваши земные проблемы наплевать; мы тут обсуждаем феноменологическую редукцию, и нам до лампочки, что вокруг все взрывается. Это было явным мотивом в году так 1991-м, и в 1993-м это было еще заметно. Кроме того, исчезла нарочитая ориентированность на мелкие стили, на быструю реакцию на события — то, что характеризовало «тонкий» «Логос» 1999–2001 годов. Он приобрел нынешний вид. Выходят тематические номера, часто представляющие какие-то западные концепты, но тем не менее идет поиск рефрена к абсолютно российским идеям и реалиям. Номер по марксизму и номер, посвященный Спинозе, очень удачны (хотя совершенно разные по сюжетам, по темам), с большим количеством качественных переводов. Со стремлением постоянно держать руку на пульсе того, что происходит в современном российском философском цехе.

Мне пришлось много работать с политологией — там таких журналов нет. Я это знаю, потому что до сих пор формально являюсь одним из сотрудников журнала «Полис». К сожалению, в политологии нет журнала, который может выпустить номер, посвященный западному политологу Гоббсу, условно говоря, так, чтобы ты сразу понял, что сейчас происходит и в западном, и в российском гоббсоведении. Плюс получил еще набор каких-то оригинальных идей и их обсуждение. «Логосу» это удалось благодаря, безусловно, личному таланту Валерия, но также за счет четкого выдерживания тематичности.

Но есть минус, который я хорошо понимаю, потому что всякий раз сталкиваюсь с этой проблемой, когда сам занимаюсь подобными вещами. В 1990-е годы «Логос» был голосом определенного поколения, молодого, очень молодого (даже не в сравнительном, а в абсолютном смысле), биологически молодого, взрывающегося философией, завоевывающего позиции, выступающего с определенной программой, феноменологической или постмодернистской. Сейчас же это, в общем, качественный альманах, отражающий все направления и практически не претендующий на изменение чего бы то ни было, кроме состояния дел в отечественной интеллектуальной периодике. То есть его, действительно, интересно читать всегда, но это не журнал-направление. В ближайшее время у него должен появиться какой-то кон-

курент. Я не знаю, откуда он придет, но думаю, должен будет подвергнуть критике достижения нашего поколения именно исходя из какой-то четкой «школьной» определенности. Что-то подобное появится обязательно. Пока не очень понятно, откуда этот вызов будет исходить. Но он будет.

- *Как специалист по политической философии, что вы можете сказать о философской программе «Логоса»?*

Да, мне еще в 1990-х строго феноменологическая программа представлялась не совсем понятной. Тогда у нас на глазах разваливалась страна, происходили титанические исторические сдвиги. А тут люди сидят и занимаются феноменологией. Понимаете? Было ощущение наподобие того, что Бердяев писал про башню Вячеслава Иванова, когда там, наверху, обсуждались утонченные вопросы культуры, а внизу бушевала революция. Было именно такое ощущение башни из слоновой кости. Тут сидят люди и изучают санскрит или Шеллинга в подлиннике, а в это время вокруг исчезает бытие. И ты понимаешь, что за этим — гибель государства. Я как-то исторической интуицией это схватывал, эту гибель цивилизации. Притом я не был коммунистом, но чувствовал, что это гибель той цивилизации, которая дает возможность заниматься всеми этими прекрасными делами и не думать о хлебе насущном, по крайней мере не думать каждый день, на регулярной основе. Вот это чувство — на глазах происходит гибель Атлантиды, а тут сидят мудрецы и обсуждают свои вечные проблемы. Это чувство диссонанса между временем и такой деятельностью подвигло меня на стремление поискать что-то подальше от философии. И в тот момент я нашел для себя духовное пристанище в журнале «Полис» — в политических исследованиях.

Мне кажется, с этим и был связан раскол в редакции. Ранний «Логос» был сознательно ориентирован на созерцательную позицию. И по-моему, Валерий решил как-то сказать: «Ну, слушайте, ребята, так же невозможно жить вообще». У Валеры совершенно гениальное редакторское чутье. Он понимает, что надо делать. Это и вызвало протест и раскол — мы тут делаем великое дело, а вы предлагаете отказаться от него. Если бы это поколение было склонно о себе рефлексировать, то надо сказать, что это был бы первый поколенческий кризис. Именно поколенческий кризис, когда один из лидеров поколения, то есть Валерий Анашвили, вдруг понял, что эта установка на чистую философию более невозможна.

В одной из своих публицистических статей я как-то предложил понятие «культурное поколение». Наше культурное поколение было принципиально враждебно политике. На уровне убеждения, что политикой занимаются только люди второго сорта. Как сказал один из авторов раннего «Логоса» Геннадий Геннадьевич Майоров, «кто вообще из философов занимался политикой?».

Я-то всегда считал, что все философы занимаются политикой. Убежден, что философия вообще из политики и возникает. На самом деле «не-политическая философия» — это нонсенс какой-то, потому что не существует отвлеченных теоретических проблем. Теоретические проблемы, как нас учит основатель феноменологии Гуссерль, связаны с жизненным миром, а жизненный мир — это мир практического общения людей. А практическое общение людей чем опосредовано? Оно опосредовано какими-то социальными и политическими взаимоотношениями, то есть вопросами о власти и лидерстве. И, отделяя сферу воззрений от сферы праксиса, от сферы практического применения этого воззрения, это культурное поколение было готово в конечном счете выродиться в полную беспредметность, особенно ввиду процессов, которые в тот момент происходили в стране. Эта опасность стала просто катастрофической, я думаю, и для «Логоса» в 1990-е годы, пока Валерий не совершил перелом.

Хотя тот революционный скачок, который Анашвили удалось совершить, тем не менее, на мой взгляд, все равно стоит под большим знаком вопроса. Он не то чтобы не до конца совершен, но он имеет исключительно просветительский характер. Да, надо рассказывать людям о том, что есть хорошие книги. Но поколение не прочувствовало, что за этим стоит, что мы этим вносим в политическую и социальную жизнь. Я пока не вижу каких-то серьезных теоретических достижений, рожденных этим подходом. Хотя Валерий очень ясно понял, что надо искать людей за пределами собственного круга, и он нашел их, того же Бориса Капустина (который с этого момента стал автором «Логоса» в большей степени, чем автором «Полиса»), Михаила Ремизова, Александра Бикбова, Михаила Маяцкого, еще целый ряд людей. Это не обязательно люди одних убеждений, но люди, гораздо более ориентированные на праксис. Именно эти люди сейчас определяют лицо «Логоса», а не те, кто там публикуется с какими-то более отвлеченными темами. В журнале очень отчетливо присутствует сильная социологическая составляющая.

• *Какие еще журналы 1990-х вы могли бы отметить?*

В первую очередь, если брать пример из близкой мне области политологии, это, конечно, был журнал *Pro et Contra*, выпускаемый Фондом Карнеги. В то время он издавался абсолютно потрясающей женщиной, очень напоминающей представителей старой русской интеллигенции с их некоторой изысканной вежливостью и очень определенной холодностью. Но я считаю, редактор она выдающийся — это Мария Павловна Павлова-Сильванская. *Pro et Contra* в момент превзошел «Полис», отчасти по финансовым, конечно, причинам. «Полис» всегда был бедным журналом, никогда не имел денег, чтобы платить гонорары. Кстати, «Логос» тоже, по-моему, гонорары не платил. Конечно, журналы, которые могли платить гонорары, имели больше возможностей. *Pro et Contra* был ориентирован больше на практическую политику с тематическими номерами. Несколько их номеров можно считать образцовыми.

И второй журнал, конечно, «Новое литературное обозрение». Это было явление 1990-х, идеологически абсолютно мне чуждое. Но при этом меня поражали и их способности, и таланты, и какое-то гениальное чутье. Где-то к 2000 году, к моменту получения Госпремии, это было, бесспорно, лучшее издание России. Но с 2003-го, опять же, и у них начинается естественный процесс старения, связанный с тем, что их профессиональная ниша, а именно славистика, становится менее интересной. Возможно, будет некий второй взлет. Я дожидаюсь его с интересом. Самой поразительной была их способность захватывать какие-то сопутствующие ниши и уходить в политологию, в историю философии и особенно в социологию. Они могли публиковать большие материалы про Бурдье, делать специализированный номер о Мишеле Фуко и одновременно — вот тебе Герцен! И теория языка. И анекдот про какого-нибудь, не знаю, Сологуба. Меня восхищало их умение создать из своей профессиональной ниши некое профессиональное сообщество и вместе с тем расширять рамки.

Кроме того, надо упомянуть журнал «Неприкосновенный запас» как ответвление «НЛО». Пожалуй, это было еще одно издание, которое очень сильно обращало на себя внимание в 1990-е годы.

• *Какие этапы, на ваш взгляд, можно выделить в интеллектуальной истории «Логоса»?*

«Логос» — это издание, прожившее на моей памяти три жизни: «Логос» 1990-х, «Логос», существовавший при поддержке Модеста

Колерова, и нынешний «Логос». Облика точно было три. И за каждым из них почти что самостоятельная жизнь со своими драмами, проблемами. За первым «Логосом» — драма поколений и, так сказать, неудача всего поколения, которое на самом деле не высказалось. Тот язык, который оно избрало, чтобы высказать себя, не реализовался. Та ставка на теоретическую философию — мы сейчас все откинем, возродим здесь традиции Гуссерля, Яковенко, Шпета — не сыграла. Конечно, кое-что удалось как раз в философской сфере, там есть достижения. «София» Соловьева переведена, это, конечно, уже нельзя изъять. Но «София» переведена и все. Заявка-то была на другое. Заявка была не просто на издание философского ежегодника, а на создание журнала, способного стать европейским событием и ввести какой-то круг людей по крайней мере в одну философскую школу. Мгновенно выяснили, что школа не та — и все на этом. Жизнь удалась в бытовом значении этого слова, но поколение не состоялось в том смысле, что цели, которые оно само декларировало, не были достигнуты. И в этом драма поколения.

За вторым «Логосом», мне кажется, стоит драма начала нулевых. Я стал это замечать в 2000 году. Драма нулевых годов — это драма раннего путинизма с ощущением мощного либерального реформаторского напора, который должен в мгновение ока перевернуть Россию. «Логос» не был, конечно, флагманом этого движения, но заметно, что он был внутри этого движения. Это тот момент, когда Модест Колеров издал книгу «Новый режим», где он давал понять, что в России есть новая интеллектуальная элита, и она у нас сейчас изменит все. Наверняка Валерий тоже был бойцом этой элиты и должен был все изменить. Но не изменил. Ну, что-то изменил, но не то, не так и не там. Все пошло совсем не так, как хотелось. Точно не так, как представлялось. И это заметная драма второго «Логоса», драма этих надежд, к которым я относился, правда, сугубо скептически. Я в тот момент смотрел на это со стороны, для меня это был чуждый, холодный, иной мир. Но это немножко другая тема.

И наконец, третий «Логос» создается вокруг задачи возвращения интеллектуального класса, возвращения в академические цеха, к академической деятельности, без претензий на *Sturm und Drang*, без претензий на «сейчас мы, ух, и ворвемся, так сказать, на лихом коне, возьмем какого-нибудь Молчанова, оседлаем его, и завтра уже все немецкие университеты будут произносить только наши имена». Без этого всего. Но с хорошим, я считаю, с абсолютно правильным просветительским пафосом. Давайте расска-

жем нашим людям, что современные и западные, и наши авторы думают о Спинозе. Это очень важная задача. В общем, сейчас это крупнейший гуманитарный журнал, в своей просветительской составляющей, несомненно, превзошедший «НЛО», который очень уж сильно в *party line*, в партийной линии. Здесь этого нет. Здесь, наоборот, принята широта позиций. Здесь нет истерических надежд, но здесь нет и драмы разочарования.

Некоторый минус только в том, что если первый «Логос» был своего рода боевым наступлением кавалерии, то нынешний — это медленное окопное, пехотное, так сказать, продвижение с гораздо более внятными смыслами, но без желания пропихнуть, в хорошем смысле пропихнуть, продвинуть группу авторов к звездам мировой славы.

Чем, кстати, был и старый «Логос», создававшийся юношами из Гейдельберга, которые, списавшись с немецкими профессорами, решили делать такой журнал и неожиданно преуспели. Однако никто из них, собственно, в философии не остался. Кто сейчас помнит Бубнова или какого-нибудь Степуна? Все знают Степуна как автора книги «Николай Переслегин» и «Бывшее и не сбывшееся». А что он еще написал? Ничего не написал. Неплохие литературно-критические статьи — и все. В общем, человек не состоялся. Понятно, что русским людям приятно думать, что наш человек сидел в Гейдельберге и неплохо жил. Но, по сути дела, что еще он сделал? Что от него осталось в памяти народной? Ничего.

Нынешний «Логос» — это просветительское издание, самое качественное в России, самое крупное в России. Я имею в виду не по объему, а по сути. Самое разностороннее, самое культурное и квалифицированное, но не партийное издание. Не издание тех людей, в глазах которых написано, что они с помощью этого издания перевернут Россию, мир, интеллект, науку, философию. Этого, конечно, немножко не хватает. Я еще полон желания что-то перевернуть, но люди, делающие журнал сейчас, наверное, эту задачу уже перед собой не ставят. Что, наверное, и плохо, и хорошо.